

Размышления о литературе семидесятых

В мемуарном повествовании старшей советской писательницы Мариэтты Шагинян «Человек и время» встречается выражение «сегодняшний день истории». Чувство связи времен, ощущение дня сегодняшнего в цепи исторических событий, умение оценивать происходящее сейчас с точки зрения исторической чрезвычайно важны в литературной практике, независимо от жанра, в котором работает автор. Руководствоваться чутьем «сегодняшнего дня истории» необходимо и критику, особенно тому, в чьем поле зрения текущий литературный процесс.

Монография Владимира Лаврова «Человек. Время. Литература», вышедшая в Ленинградском отделении издательства «Художественная литература», может служить толковым и верным путеводителем по советской литературе последнего десятилетия, в основном последнего, хотя речь идет и о традициях, складывавшихся в предшествующие периоды (так, например, в связи с путевой прозой В. Конечного говорится о знаменитой «Ледовой книге» Ю. Смууда; давно ли это была современность нашей литературы — и вот уже прошлое, но такое живое!). Быстротой отклика на новые литературные явления и полемики по их поводу, живостью оценок книга В. Лаврова отвечает работе критика, активного участника литературного процесса: суждения автора о многих романах, повестях, о творчестве в целом тех или иных писателей оттачивались в его газетных и журнальных статьях, выступлениях по телевидению.

Главным героем и действующим лицом литературы семидесятых годов в монографии В. Лаврова выступает проза, и это естественно, поскольку первенство прозы среди других видов литературы в этот период было очевидно. Именно проза, ее крупные жанры — роман, повесть — вышли на первые рубежи в осмыслении народной жизни, в постижении человека.

Заслуга В. Лаврова в том, что ведущие тенденции литературного развития он раскрывает на примерах многонациональной литературы, в которой автор монографии прекрасно, свободно ориентируется. На его литературной карте — произведения Ч. Айтматова, Г. Матвеевского, Ч. Гусейнова, Ч. Амиевского, И. Авижюса, В. Быкова, И. Мележа, И. Друцэ, Н. Думбадзе. Черты литературы последних лет во многом определяются творчеством этих писателей, равно как и В. Астафьева, Ю. Бондарева, Ю. Трифонова, Д. Гранина, В. Распутина, Ф. Абрамова, В. Конечного и других. При ярком национальном своеобразии литератур Грузии и Эстонии, Армении и Литвы Молдавии и Киргизии происходит процесс их «заимовлияния» взаимодействия

и движутся в одном русле. Литература единодушна в том, как ставила и продолжает ставить ныне проблему личности, человека, его нравственного долга. Многие аспекты именно этой проблемы прежде всего рассматриваются на анализе советской многонациональной прозы в книге В. Лаврова. Его интересует, как, «традиционно уделяя большое внимание процессу воздействия общественной жизни на человека, литература и искусство семидесятых годов вскрывали огромные духовные, нравственные потенциалы человека».

Наряду с другими исследователями современной литературы В. Лавров под углом зрения избранной им темы удалось показать, что творческими усилиями разных писателей в семидесятые годы была значительно обогащена концепция личности. Проза семидесятых в лице самых талантливых своих представителей поставила на место «литературного героя» человека во всем драматизме, сложности его судьбы (будь то А. А. Любичев в «Этой странной жизни» Д. Гранина, Лиза Пряслина у Ф. Абрамова, старик крестьянин Окае Карабуш в романе И. Друцэ «Время нашей доброты», женщина-мать Агуник в повести Г. Матвеевского «Мать едет женить сына» или другие).

Разумеется, чрезвычайно важен жизненный материал, на котором работает писатель, тот срез народной жизни, который ему наиболее близок и досконально знаком: военный — в последних повестях К. Симонова, повестях В. Быкова, В. Кондратьева, деревенский — в прозе Ф. Абрамова, В. Распутина, городской — в прозе Д. Гранина, Ю. Трифонова, И. Грековой, морской — у В. Конечного, исторический — у Ч. Амиевского и так далее. Но не случайно критика в своих размышлениях о движении литературы все чаще, как пишет В. Лавров, отказывается от «тематических деланок», на которые прежде было разбито «поле нашей словесности». Ведь основное значение имеет не сам по себе материал, а возможности, которые он открывает для изображения человека, для постановки актуальных нравственных проблем — долга, гражданской ответственности, взаимоотношений человека и природы, человека и цивилизации.

И действительно, наиболее значительные произведения семидесятых годов, из жизни ли деревни, эпохи Великой Отечественной войны, книги мемуарного плана (М. Шагинян, В. Катаева и другие) выходят за рамки своих «подразделений», тяготеют к области этико-философской прозы. В. Лавров среди тех исследователей, которые прослеживают в литературе поиски концепций жизни, обнимающих мир и отдельную судьбу в их тесной взаимосвязи.

Хотя проза и является в мо-

нографии предметом основного внимания автора, она неотделима от других жанров. Лучшее, что было в поэзии семидесятых годов, отмечено родственной прозе глобальностью мышления, выходом к темам, связанным с судьбой земли, с защитой нравственных ценностей, «стремлением к масштабному охвату времени, к осмыслению крупных, узловых событий века». Поэзия обладает свойством эмоционального ступения тех проблем, которые созревают в самой атмосфере нашего времени. Это видно воочию по тем строкам опять-таки разноязычных поэтов — Я. Смелякова, И. Абашидзе, Д. Кугультинова, М. Дудина, Э. Межелайтиса, которые удачно «впаяны» в разборы прозы у В. Лаврова.

Проблемная книга о современной литературе — жанр трудный. Порою стройность, связность повествования у В. Лаврова нарушаются — не всюду логически обозначены переходы от одной главы к другой, нет «мостика» к главе «Человеком быть», посвященной главным образом казахской и киргизской прозе (разговор как бы изменяет русло, приобретая характер очерков о многонациональной прозе). Есть страницы, перегруженные всяческой информацией — упоминанием телевизионных передач, пьес, цитированием трудов социологов и историков искусства. Кое-какие сведения вполне могли бы уйти в сноски или в скобки. Картина литературы не потеряла бы от этого многозначности, зато главное, отделенное от фона, самостоятельно утверждаемое проступило бы на ней отчетливее.

Судя по разборам прозы Д. Гранина и Ф. Абрамова, В. Конечного и И. Друцэ, в том числе и разборам критическим (например, последних произведений В. Катаева), у В. Лаврова есть свои пристрастия. И все же он исследователь объективный. Очень объективный, что, разумеется, хорошо. Но если бы притом в стиле книги эта объективность оценок проявлялась ярче, заметнее, индивидуальнее по языку критической прозы! Дело не в том, что на некоторых страницах В. Лавров не устоял против расхожих словечек и выражений («в адрес», «настрой», «неоднозначность» и других). В идеале хотелось бы, чтобы и у критика, историка литературы, как у прозаика, был свой стиль, узнаваемый читателем. Ведь стиль — это отстаиваемые убеждения, темперамент, глубина интереса к объекту исследования, смелость и самостоятельность выбора объекта. Есть все основания поставить об этом вопрос в связи с книгой Владимира Лаврова: ведь с образованного, умного исследователя современной литературы, умеющего широко мыслить, спрос во всех отношениях больше.

Наталья БАНК